

Э

ти строки посвящены памяти военного летчика Романа Николаевича Филипова, погибшего в Сирии 3 февраля 2018 года; данные здесь немногие «биографические» штрихи не являются буквальными «цитатами» его жизни. Смысл прощальных строк — в другом: поступок летчика-воронежца, исполненный мужества и чести, predetermined так или иначе историей родного Воронежа с его событиями, поколениями, именами, уже навечно вписан в героическое и трагическое бытие Отечества.

Россия. Сирия. Буквы — «Р» и «С» — перекликаются, как близкие сестры на дальних берегах...

«В меня попали. Хорошо попали! Правый горит!» — Короткое молчание, еще слова — негромкие, будто ничего не случилось. И приказ — «Уходи в облака!» Голос ровный, спокойный, без истерической взвинченности и без дурнословия, нередкого в такие мгновения.

«Уходи в облака!» — это приказ командира. Приказ на русском языке — ведомому взмыть ввысь, чтобы не быть подбитым откуда-то взявшимся внизу ПЗРК — переносным зенитно-ракетным комплексом.

Штурмовик Су-25 полыхал пламенем, особенно его правая, подбитая часть. Самолет разваливался. Опытный, уже известный в летных

Роман Филипов

кругах своей человеческой и профессиональной незаурядностью пилот-майор нажал кнопку катапульты. И, один на один в открытой небесной сфере, он увидел, что на земле спасения не будет; но непроизвольно хотел в последние живые секунды почувствовать землю, как если бы она была воронежская — земля его детства. Он видел фигуры, скинувшие автоматы («калаши, — подумал, — наши, да не в наших руках»); и верно, под парашют бежали явно не его товарищи — подбегали те, кто не щадил ни военных, ни мирных, ни старых, ни малых...

Через несколько мгновений он упал на каменистую землю Сирии.

Солнечная Сирия, страна античной Пальмиры, страна раннего христианства, страна арамейского языка, на котором проповедовал Спаситель! Ты была жемчужиной Средиземноморья, твои оазисы и пустыни обживали разные племена, разные религии, на твоих землях поднимались античные храмы, синагоги, церкви и мечети, по весне светлым дымом занимались твои виноградники, твои сады исходили персиковыми и лимонными ароматами, тебе цвести бы да цвести!

Русские православные паломники веками — и малыми ручейками, и в одиночку — шли, плыли, вновь шли до Святой земли, правились к Иордану, Вифлему, Иерусалиму, дабы изведать святокрещальной воды, припасть к Гробу Господню, посчастливится — узреть Свет Фаворский. Иным прежде Палестины открывалась Сирия, гостеприимная и опасная; иные не добредали до Свято-Небесного Града: в недугах ли, тако же гонимые зверьми и людьми, на греческих островах или в сирийских пустынях находили последнее земное успокоение, шепча слабевшими губами Иисусову молитву и видя перед померкавшими своими очами образы Богородицы и Спасителя.

Шла раннеправославная Русь, надвигалась имперская Россия.

Россия. Сирия. Буквы — «Р» и «С» — перекликались, как близкие сестры на дальних берегах...

...У него был боекомплект не для затаженного боя, несколько десятков пуль, и он беголо стрелял по набежавшим, пока его резко не ранило. А когда те были в нескольких шагах, он выдернул чеку; гранатный взрыв раздался — как разрыв самой земли-планеты, и на миг стало тихо. Едва ли кто из террористов испытывал чувство жалости, видя лежавшего на каменистом грунте не давшегося им в плен, непокорного русского, которому уже не подняться, на «Сушке» не уйти под облака. Но — уйти в вечность...

Вечером в начале февраля 2018 года России и миру стало известно, что в Сирии погиб еще один русский летчик, причем его последние слова и действия не вызвали сомнений, что погиб в традициях отечественной отваги.

Вскоре заседала городская комиссия по историко-культурному наследию Воронежа, и первый пункт-вопрос был — увековечить имя летчика. Прежде всего, установить на фасаде школы, где он учился, мемориальную доску. «А чего мы спешим? Ему еще и Героя не дали», — опередил других голос документального ученого по исторической, краеведческой части. Тут же последовало ответное — бесспорное: погибший не перестает быть героем оттого, что ему звание Героя еще не присвоили; по справедливости надо назвать его именем не только школу, но и улицу, и близкий сквер, и загородную лыжню, на которой он часто побеждал. Словно почувствовав состояние души города, все сошлись на том, чтобы широко увековечить память летчика, погибшего в молодые тридцать три года.

Вернувшись после заседания комиссии из центра города на его северную окраину, я свернул на улицу к школе номер 85, в которой прошли ученические годы мальчика, подростка, юноши Романа, преник к прутьям железной ограды, глядя в окна третьего этажа, где в актовом зале прежде встречался он со школьниками не раз...

Я тоже нередко выступал здесь перед старшеклассниками: с эмоциональной обращенностью к юным душам рассказывал об исторических событиях, местах, именах — разных, но тематически характер выступлений был повторяем — «о подвигах, о доблестях, о славе»... А на одной из встреч, посвященной освобождению Воронежа от войск вермахта, увидел несколько совсем детских головок (может, это были дети здесь присутствовавших учителей, может, их родственников, — не знаю), но я запомнил их глаза. И особенно — одного, милويدного, открытого, с забавным чубчиком, сидевшего в первом ряду: его глаза излучали токи любопытства, чувствовалось, ему было интересно, словно я имел силу и возможность взять его с собой в те времена и места, которые открывал словесно; среди многого рассказал я и о родственнике моей жены, летчике Викторе Калининe, уроженце донского села на юге Воронежской области, который в одном из боев на Курской дуге был подбит, но смог приземлиться: и когда враги уже мчались к горевшему штурмовику, рядом с ним приземлился наш истребитель, и раненого командира эскадрильи отчаянный пилот перетащил в свой «ястребок», который под густым смерчем пуль взял разбег и взлетел. Жена тогдашнего американского президента Рузвельта, узнав о подвиге летчика, выхватившего комэска из пламени и вражеского круга, передала отважному пилоту благодарственный подарок: именные серебряные часы — об этом сообщали газеты по разные стороны океана. А наш родственник-летчик вскоре погиб в небе близ Киева, с воздуха взламывая далекий от рейха «германский» рубеж — выстроенный немцами неприступный вал на Днепре.

Давно живет во мне эта незримая эпитафия: «Не все самолеты возвращаются...»

Не знаю, сколько простоял я у заграды (теперь все школы огораживаются железными заборами, как будто те могут уберечь от террористов, ставших неумолимым всемирным бедствием), и во мне то зыбко, полустерто, то явственно всплы-

вали подробности давних встреч в школьном актовом зале; и вдруг в меня, как двадцать пять лет назад, словно бы вперились глаза мальчика из первого ряда, восторженные, но уже и вдумчивые глаза младоклассника, все на свете пытавшегося узнать, и от того вопроса, который он вдруг, никого не спросив, неожиданно задал: «А можно ли по Дону доплыть до Средиземного моря?», я теперь, через двадцать пять лет, вздрогнул: мне почудилось, что тот вопрос задал мальчик Роман, будущий, будущий...

Гроб с телом летчика-воронежца отправляли из Москвы. На скорбно-торжественной церемонии прощания на аэродроме «Чкаловский» присутствовал министр обороны и первые его заместители. Печальный самолет должен был прибыть в Воронеж в одиннадцать утра.

Заранее выйдя из дому, я направился в близкую Рощу Сердце, — именно так она именовалась на военных картах, покатая холминка с крепкими дубами и вязами, от корней до крон израненными при обороне Воронежа; и сколько же здесь погубило и наших, и чужеземцев! Историки называют от трех до пяти тысяч, но, конечно, точного числа никто не знает («Роща Сердце — некрополь убитых сердец»; в конце восьмидесятых в периодике появилась моя статья «Плацдармы памяти»; в ту пору я был депутатом Воронежского городского совета и изложил свои соображения на одной из сессий и в горисполкоме; местная власть откликнулась: было принято решение о благоустройстве Линии ратной славы, памятной точкой куда вошла и Роща Сердце).

Но долго еще она оставалась горкой, по которой спускались вниз начинающие лыжники, а вдаль через сосняк пролегла лыжная трасса, на которой Роман, наш школьник, наш будущий душевно-открытый и благодетельный — «Честь имею!» — летчик, впервые в жизни стал победителем лыжных соревнований...

Гарнизонный Дом офицеров в центре города в недавние поры — «перепрофилирован», принадлежит уже не офицерам, и нынешнее прощание должно было состояться в Военном городке, окраинном микрорайоне, в приспособленном под офицерский клуб культурно-развлекательном центре «Северный». Не могло не отозваться резью в сердце столь неуместное в такой день словцо «развлекательный», но, верно, не красными стенами значим дом, а его наполняющими людьми.

Прощание — долгое стояние в очереди. Воронеж сильно замело февральской вьюгой, и неудобно, трудно было выстаивать на бугристой от снега земле. Но люди стоят — час, другой. Мы с приятелем-журналистом — среди моря, как было принято говорить в недавние времена, *простых* людей, так чутко воспринявших горе позавчера еще незнакомой фамилии, а в сущности — и горе всей России. Спасибо воронежцам, *простым* воронежцам, которых здесь — великие тысячи. Правда, отсутствовала творческая, художественная элита, но душа и сердце города пребывали именно здесь.

Мой старший сын — тоже из военной авиационной сферы. Служивший в Сибири, летавший в Таджикистан и на иные южные, грозные границы бывшего Союза, написавший гимн авиационного полка... Он тоже ушел молодым. И, может, еще и от тоски по сыну, за годы попригасшей, а в этот день гнетущей о себе заявившей, было так тяжело, что я, зайдя в дом передохнуть, будто ремнями опутанный и клиньями пригвожденный, долго не мог подняться. Но потом все-таки пересилил свое недомогание и встал, чтобы уже на кладбище отдать поклон, не отходя от могилы Романа, сколько хватило сил.

Главное городское кладбище, странно — с послереволюционным напоминанием — названное: Коминтерновское, но с годами люди привыкли к этому названию...

Коминтерн ушедших поколений. На прикладбищенской яды — снова масса в последний путь провожающих. И снова слал я мысленное спасибо воронежцам, утомленным жизненной и житейской страдой, нелегкими сегодняшними заботами, этим дедушкам и бабушкам, этим рядовым учителям, врачам, библиотечным сотрудникам, этим молодым парням и девушкам, пришедшим без широких радио- и телевизионных оповещений: в промозглой февральской морозной стяжке, подчас легко одетые и обутые, они выстояли — кто полдня, а кто — и весь день.

После отпевания в храме в честь иконы Божией Матери «Взыскание погибших» траурный кортеж и весь людской поток двинулись по главной аллее, насквозь, до дальнего конца пересекающей главный городской погост; чуть дальше Аллеи Славы, у площадки погибших военных летчикам, большая часть людского потока была приостановлена враз возникшей курсантской шеренгой. А у могилы густо теснились родственники, военные; остальные слышали отрывочные голоса и терпеливо дожидались, чтобы после траурного митинга подойти к могиле, перекреститься, проститься.

Прозвучал гимн страны, многократно, сухо и резко прогремели залпы прощального воинского салюта, а затем колонны военных прошли скорбно-торжественным маршем, с поднятыми в наклон знаменами. Зазвучали неизменно потрясающие звуки «Прощания славянки», великого марша, созданного уроженцем воронежской земли, недалеко от Воронежа уездного городка Землянск.

Заградительная шеренга военных раздвинулась, теперь к могиле потянулись и остальные, и их было так много, что час миновал, а на могильный холмик вместе с падающим снегом ложились все новые и новые гвоздики...

Они поднимались к перекладине креста, и вслед за этим святым крестом на меня словно надвинулись иные кресты — на плащах и забралах рыцарей Ливонского ордена, наступавшего покорить свободный вечевой Новгород, русский православный север; а ранее — «паломников» первых крестовых походов, устремившихся в Сирию и Палестину в надменном тщании «освобождения Гроба Господня». А еще стремительно увеличивались те четкие бело-черные кресты на боках «Юнкерсов», летчики которых не испытывали никакого смиренного чувства ни к христианству, ни к его заповедям, как не испытывали ко мне, славянскому ребенку на прифронтовой черте, никакой жалости, милости, сострадательного чувства, роняя из железных брюшин смертельные капли.

В седьмом часу стало поминутно и все сильнее темнеть, разошлись и люди, а я никак не мог уйти, ступая асфальтовым полотном дороги, не похожей ни на какие другие дороги, от основной аллеи до Аллеи Славы, от одной ставшей родной могилы к другой — давно родной: на Аллее Славы — могила моего отца, за взятие Берлина, а именно за штурм имперской рейхсканцелярии, представленного к званию Героя Советского Союза. Теперь в сотне метров от отцовской могилы упокоился в родной земле летчик — Герой России, который ровно на семьдесят лет моложе моего отца, и оба они в разные времена сражались «ради жизни на земле». Ради правды и справедливости, что бы там ни вещали и ни писали злые или равнодушные языки и перья, чаще всего лживые, циничные и продажные.

В этом медленном (одновременно тягостном и миротворящем) хождении в сердцеvine кладбища мне вспоминались встречи с летчиками, защитниками неба в годы Великой Отечественной войны, которые рассказывали, как мало их выжило и сколько их шло на таран, горело в подбитых воздушных машинах, разбивалось при ударе о родные и чужие холмы.

Мысленному взору предстал штурмовик Ил-2 на постаменте близ проходной Воронежского авиационного завода — он назывался «Ящик 71», короткое лето

шестидесяти пятого года я там работал корреспондентом заводской газеты «Новатор»; вспомнились годовые встречи с летчиком-асом, трижды Героем Советского Союза Иваном Кожедубом, с которым они на одном фронте сражались под Одессой и Яссами; припомнились и мои встречи с «авиационными» маршалами в монументальном здании Министерства обороны на Фрунзенской набережной, встречи в дни, когда участвовал в издании книги о Второй воздушной армии, начинавшей свой ратный путь над Воронежем.

А еще схватила меня давней тоской осенняя беда сорок второго года в селе Семилуки... подбитый штурмовик... беспомощный советский летчик на огороде русской крестьянки, и та вместе с матерью и детьми оттащила его от горящего самолета, затем в избе дала переодеться в мужнину одежду, указав, как по оврагу уходить дальше, к своим; скоро нагрянувшие гитлеровцы, не добившись от нее, куда девался летчик, расстреляли ее с малыми детьми и старой матерью...

Роман бывал в селе Семилуки, быть может, именно на том пяточке земли, где был спасен летчик, но погибло шестеро невинных, и десятиклассник испытал тогда тяжелый, сложнейший стресс, ибо он, юношески чистый и прямодушный, хороший математик, все случившееся не мог объяснить ни логически, «математически», ни житейски. Он только чувствовал драму своего народа, в которой в нераздельное, неразрываемое связывались нити извечной русской жалости, душевной сострадательности, жертвы, долга и едва ли объяснимого чувства Родины.

И тогда же он, десятиклассник, дал себе слово трижды без передышки переплыть Дон у Семилук, где на высоком причеме бугре возвышался памятник Второй воздушной армии. Переплывет трижды — значит, пойдет по стопам отца, военного летчика, значит, дальнейшее его обучение — военное летное училище. Как и задумал — он переплыл! И поднялся к памятнику летчикам, что сбивали фашистских асов и сами были сбиваемы в воздушных боях близ Воронежа; высокий постамент венчал макет истребителя, стремящегося ввысь; юноша вдруг подумал о тех воздушных машинах, что, горящие, с обреченными пилотами, низвергаются вниз; но это, казалось бы, отрезвляющее чувство и на миг не остудило его мечты.

Наверное, он любил наблюдать, как в вечернем небе над Воронежем четко и влекуще ложились бело-розовые полосы — инверсионные следы от военных самолетов, которые базировались на аэродромах воронежской земли. Он знал и раньше бывшие, и нынешние летные поля — Борисоглебск, Россошь, Бугурлиновка... Он знал всех прославленных летчиков, породненных со здешней землей и небом, он жадно читал о них — не только о Чкалове, Громе, Талалихине... И уже знал, что воздушный бой не обходится без потерь...

И все время, пока я в зимнем сумраке оставался на кладбище, все время рефреном звучала фраза, рожденная болью сердца: «Не все самолеты возвращаются». И к ней присоединилась другая, еще более острая — неотменимая и невыносимая строка неизвестно где и как погибшего летчика-писателя Сент-Экзюпери: «Возможно, победы нет вообще: не могут раз и навсегда прибыть все самолеты...»

Последний вздох кладбища: уходя, я услышал, как с высокой березы напротив цветами засыпанной могилы слетел шум дружных крыл. Взметнувшиеся ночные птицы, конечно, не были ангелами света, я же подумал: еще сорок суток и уже заявит о себе, засветлеет весна, почки густо проклюнутся в кронах кладбищенских вязов, лип и берез, и густо забелеют крылья предпасхальных птиц; и быть может, подумал далее, белые невиданные птицы взметнутся и воспоют в светлой точке иного мира — белые птицы, души недавно погибшего в Сирии летчика, моего земляка, а еще — моего старшего сына, посвятившего военной авиации половину своей короткой жизни, а еще — давным-давно погибших в совсем близкой

воронежской «Роще Сердце», и еще моего отца, невероятно как не погибшего под германскими бомбами и при обороне Севастополя в сорок втором, и в дальнейшем долгом наступлении, а после десятки лет бывшего директором школы, то есть воспитателем честной, мужественной молодости.

Романова школа — между большим кладбищем и Рощей Сердце, и возвращаясь в поздний час с кладбища, я не мог не остановиться у свидетельницы и воспитательницы его детства, отрочества, юности. Она была погружена в сумрак, но некий тихий свет исходил от ее окон. И разное-разное, или здесь меня, предельно устало, поджидая, устремилось в голову (все-таки этот хвалам и хулам подверженный «поток сознания» существует): «Да, в Корее открываются зимние Олимпийские игры... А Роман служил на Дальнем Востоке, это, наверно, близко от олимпийского городка... Сложился иначе, он бы мог бы стать чемпионом по лыжам... Прямодушный улыбчивый Роман Филипов (человек выси) и вдруг какой-то злобный ничтожник от ВАДА Григорий Родченков (человек низа) — дети одного века... Когда же в Донцке станет спокойно?.. Американские «ястребиные» зримые и закулисные верхоправцы, устроители мирового «управляемого хаоса» — отцы-основатели Аль-Каиды и ИГИЛа?!.. А бывший военный американский пилот предлагает учредить фонд помощи летчику-воронежцу, видя в нем воина отваги и чести... Террористы в Воронеже? Да, на улице Ломоносова на автобусной остановке погибшая от взрывчатки девушка... Как безустально молятся о мире и страдают восточные матери, сыновья которых — фанатики ИГИЛа — весело отрубает головы инакомыслящим на глазах всего мира!.. Петр Первый исплавал Дон, а вот Средиземное море далось графу Алексею Орлову, хорошо известному воронежцам по Хреновскому конному заводу и орловскому рысаку... Что чувствовала молодая немка-летчица, которая в летний воскресный день сбросила бомбы на Воронеж, на городской Сад пионеров, ставший красным от детской крови? (Так явь или миф, что именно она, молодая, еще бездетная?..) Крестonosный Фридрих Барбаросса утонул при переправе через малую в Малой Азии речонку. А его воинственные потомки затеяли преодолеть Днепр, Дон, Волгу — сакральные реки русских. Не знающие истории... Ныне объявились целые полчища историков, свою науку-кормилицу редактирующих, уводящих в непроходимый лес заблуждений и сознательных искажений, укрупняющих малое, умяляющих большое, утемняющих, отменяющих... На Сирии осекся даже Наполеон!.. А нашему народу — или до конца быть народом подвига и жертвы?.. Школа — свет знаний, что за свет, что за знания?..»

Романова школа (видел внутренним зрением) все-таки светилась, всеми своими окнами светилась, и я, отбросив сумятицу мыслей и чувств, подумал в надежде об одном: «Быть может, Бог даст мне времени, здоровья и сил еще раз побывать здесь, и на этот раз я был бы краток, как если бы в последний свой час. Я бы сказал «спасибо» всем бывшим и настоящим учителям, пожелал бы им не забывать благодатных научений и свершений русской классической школы, пожелал бы добра и мира всем учащимся, их матерям и отцам!..

Россия. Сирия. Буквы — «Р» и «С» — перекликаются, как близкие сестры на дальних берегах...

Господи, помоги малышке, дочери Романа Филипова, вырасти в любви, добре, чувстве веры и памяти о своем отце, своем городе, своей Родине, о мире землян, который так мал, тревожен и просит защиты. Дай силы отцу и матери погибшего, молодой жене-вдове и сестре его. Помогите отцам и матерям погибающих. Помогите всем, чающим света и справедливости!

ГИБЕЛЬ И ВЕЧНОСТЬ

1

Подбит штурмовик. И пламя не сбить.
И правый мотор запылал.
Пусть купол раскрылся. Но быть иль не быть —
Всевышний уже начертал.

Земля не спасет. Там шакальи бега,
Границы сметающий торг,
И реки теряют свои берега...
С тобою — лишь воинский долг.

Где родина? Близок безжалостный враг.
И жизни — на прочерк листа.
Граната в руках... Или вечности стяг?!
И возраст твой — возраст Христа!

2

Был час поздневечерний, словно нищий,
Промерзлую позвякивал листвою.
Уйдя в потемках с черного кладбища,
Не знаю, как забрел я к школе той,
В которой он (куда его стремил?)
И в знании, и в мужестве взрастал,
В которой он, отличник-заводида,
На кроссе ли, на трассе побеждал!
Теперь — мемориальная доска...
Да лучше бы она — не о погибшем!
Теперь, прощаясь: «Жить ему века!»
Жить в мире вышнем, где никто не лишний.

3

Земле одно — герой ты, не герой ты,
Метр глубины — и мертвенная тень.
Но сколь ни глубоко твой прах зароют,
Душа взойдет, а свет отбросит тень.

Земля пленяет пашнями и песнями,
Пленительна земли родной краса.
Но высшее — есть Царствие Небесное!
И лучшие — взмывают в небеса!